

12/2001 • Больше спиши – меньше грешишь

ПРОЧ

СОНЕКШН

за что мы любим

80'е

СТРАШНО!

От Хэллоуина до тюрьмы

ВЕСЕЛО!

Что такое плохой вкус

ПРОЧНО!

Что нам принес 2001-й

Секс, ложь и

Кайл
Миног

Depth Charge,
N.O.H.A.,
Miss Kittin,
Mouse On Mars,
Ian O'Brien,
DJ Parade

ISSN 1560-3601

9 771560 360989 >

СОЛНЦЕ

Светлана Сачкова

Продолжение. Начало в №11'2001

Париж >

Закончив учебу и познав нравы англичан, я раздвинула свои горизонты: приехала в Париж и поселилась при женском монастыре в районе Оперы. Монахини содержали приют для девушки от восемнадцати до двадцати пяти за мизерную парижскую мерку сумму. Кроме меня там не было ни одной иностранки. Все – француженки-принцесски, приехавшие искать счастья в столице. Утром давали завтрак в огромной общей столовой – половина багета с маслом, джемом и кофе в большой пиале. В каждой комнате – четыре кровати. Следовательно, я и еще три девушки. Лучше не придумаешь. Нигде так не почувствуешь настоящую француженку, как в ее обиталище, изнутри, да еще и во множественном числе. Мыло и вазочки. Строгие и требовательные мины самой себе в зеркало. Аккуратные бумажечки. Долгие раздумья над двумя парами туфель. Скрытное списывание чего-то куда-то. Кроме того, в первый же вечер я имела счастье наблюдать примерку. Девочка из соседней комнаты собиралась на свидание и советовалась насчет приличествующего туалета со всем коридором. Тоненькая, точенная, с гладкими каштановыми волосами и быстрыми глазами, надевала что-то женственное и сиреневое. Потом розовое вместе с синим. Потом зеленое с коричневым. Туфли и платочки в горошек. Я со своим черным пуховиком, черными джинсами и черным платьем даже не умирала от зависти – то было чисто эстетическое зрелище. Девочка глядела в лицо счастью.

Но я тоже времени даром не теряла. Утром ползала тараканом по всем пыльным уголкам музеев, не пропуская ни мазка, ни фигового листочка. Обедать шла стратегически – в рестораны, где готовят еду от кутюр. Я стеснялась, но страсть к еде пересиливала. Входила в огромном пуховике в маленькое изысканное пространство, разоблачалась до платья и садилась за столик с умным видом. С американским акцентом заказывала блюда. Ощущала предназначение исключительно мне непрерывное внимание как минимум трех официантов. Делала вид, что всю жизнь только и ела столовым прибором из десяти предметов. Бог знает, каким образом я на самом деле их использовала. Причем везде я пробовала что-нибудь здакое, а меня, принимая за американку, выразительно спрашивали:

– А вы знаете, что это?

Американцы всегда заказывают наобум, не понимая меню, а потом бывают шокированы, когда им приносят мозги, почки или сырой фарш. Но я то заказываю прицельно! Я – гурман! А они меня оскорбляют.

Дальше – пешком по городу. Везде собачьи кашки. Хорошая примета – поскользнуться на кашке и упасть. Так говорят парижане. В ресторанах собачки сидели за столом с хозяевами, на отдельных стульчиках. Орган в Нотр-Даме. Балет. Ранние фильмы Бунюэля. Вечером я пыталась пройти фейс-контроль в знаменитом гей-клубе. Меня не пускали, но я не уходила и долго уговаривала охранников. Вокруг сидели люди в открытых кафе и наблюдали мой позор. Что интересно, в предыдущий вечер я спокойно прошла в Les Bains, привилегированное место для моделей и

знаменитостей. После долгой атаки, вранья, что я пишу в газете для меньшинств при своем университете, меня пропустили. Зашла. Естественно, делать мне там было абсолютно нечего, я мужественно выносила скучу и чувствовала себя скованной. Как и в предыдущий вечер. Конечно, все это для того, чтобы просто побывать, отведать, ощутить себя причастной. Зачем? Надо.

В Printemps купила за эквивалент двухсот долларов жука, сделанного из прутиков и кусочков высушенных апельсинов. Родителям в подарок. Потом сообразила, что путешествовать с таким сувениром невозможно, и придется отправить в посылке. Полдня ушло на поиск коробки, складывание накопившегося ненужного барахла и отправление оного. Еще двести долларов и тихое бешенство.

Затем я умудрилась сходить на свидание с французским молодым человеком. Он мне не очень нравился, но я пошла, чтобы попрактиковаться во французском. Это был мой единственный шанс, поскольку во Франции все худо-бедно изъясняются по-английски, и каждый человек, засыпавший мой американский акцент, считал своим долгом ответить по-английски. В тот момент свидания, когда должно было последовать что-то романтическое, я сбежала.

Мчалась по улице, до монастыря оставались какие-то метры. Вышел ночной сторож и начал закрывать ворота на ключ. Я бежала и кричала, иначе пришлось бы заночевать на улице. Ворота закрывались ровно в двенадцать, и когда я планировала поход в клуб, писала заявление на выдачу дубликата ключа и отдавала на одобрение администрации. Сторож отпер ворота и сказал:

– Vous avez bon chance!

И это он назвал везением?

Франция >

Маленькие города. Руан – родина мадам Бовари. Приехала ночью и бродила по пустым, страшным улицам. В студенческом путеводителе нашла отмеченный мною отель, самый дешевый. Отыскала его среди неразличимого, но оттого не менее неприветливого пейзажа. Наверное, именно здесь мадам Бовари и жила. Маленький скрипящий дом возрастом точно более века. Зашла в пустую, еле освещенную прихожую. Столик с кнопкой и на стене – ключи с номерами комнат. Все ключи в наличии. Значит, мне предстояло быть единственной постояльцей. Нажала на кнопку – звонок. Откуда-то из глубины зашаркали шаги, и показался некрасивый старичок с бельмом. Мне всегда везло, я знала. Но идти куда-то было еще страшнее. Я объяснила свои намерения и расплатилась. Получила ключ.

По издающей волнистости лестнице забралась наверх, в свою комнату, оказавшуюся весьма просторной. Почти посередине стояла прозрачная душевая кабина, не столетняя, конечно, но очень старая. У дальней стены – огромная антикварная кровать из черного дуба. И везде – тяжелые пыльные портьеры и множество черных тумбочек. Но и это не все. В трех стенах – маленькие дверцы. Очевидно, это бывшие лифты для продуктов, грязного белья и прочего. Неизвестно, кто мог на них приехать среди ночи. Нормальный че-

ловек не поместился бы, но вот... Страшно было даже подумать, кто бы поместился.

Первым делом я стала раскрывать все дверцы и отдергивать портьеры – чтобы убедиться, что за ними никого и ничего нет. Заперла дверь накрепко. Стучал зубами, помылась в душе, вращаясь вокруг собственной оси – чтобы со спины никто не подскочил. Вся обстановка казалась до боли знакомой – я раньше смотрела много ужастиков. Если бы могла предположить такое, то непременно продолжила бы поиски ночлега.

Хотя бы постель была чистой. Забралась в нее, повернула выключатель и оказалась в кромешной темноте. С безмолвным криком дернула выключатель опять. В темноте я спать, очевидно, не сумела бы. Осмотрелась. И убедилась, что лампа в комнате всего одна – галогенное чудовище, прямо надо мной.

Спала с включенным галогенным светом в лицо. Умудрилась все-таки несколько часов проспать. Наутро встала с такой головной болью, что захлестнуло повеситься. Но отправилась осматривать собор, который Моне написал столько раз и каждый раз по-другому.

Потом было озеро Д'Анси. Толком его не помню. Ела плюшки, ходила по берегу. Таращилась в воду и взращивала депрессивно-романтические мысли. Очень в этом преуспела: испортила себе настроение до рыданий и звонила из автомата на железнодорожной станции в Москву лучшему другу.

Шартр. Опять собор и комната в мансарде. Окошко, выходящее на крышу, я приперла изнутри палькой. Постельное белье было похоже на плащаницу: в него, по всей видимости, заворачивали окровавленное тело. Единственный раз мне пригодился мой спальник.

Монт-Сен-Мишель пропустить было нельзя. Маленький островок, соединенный тонким перешейком с большой землей. Выглядит сказочно – на нем спиралью закручиваются улицы и строения, а верх украшен шпилем. От большой земли – десять километров дороги. Сразу на станции узрела выгодное предложение – хранение багажа бесплатно, если арендуете велосипед. Это ничего, что я почти не умею ездить на велосипеде; иначе что мне делать с моим огромным баулом?

Погрузилась на велосипед, поехала. Очень медленно, вихляясь. В полуเมตรе от меня проносились грузовики, и от страха я потела. Потом отчасти привыкла, но тут началась морось. Притормозила, надела ветровку с капюшоном и тут завязала под подбородком. Несмотря на малую скорость, ветер хлестал в лицо, струи просачивались за шиворот. Я так была занята борьбой со стихией, что не заметила, как начала падать в обморок. Из последних сил повернула руль вправо. Грохнулась в канаву. Зато не под грузовик.

Отлежалась. Счастливо доехала до острова. Пристегнула велосипед на парковке и полезла по спирали, осматривать монастырь. Было чудно. Поездку на велике я отчего-то запомнила больше. Вечер провела в местной гостинице и чувствовала пронзительное, с приторным привкусом одиночество.

Ницца. Музей Шагала и набережная. Русских там тогда совсем еще не было. Много-много солнца и неба.

Италия >

Сразу поняла, что страну я полюблю, а людей не смогу терпеть. В лицо нагло улыбались, в русский паспорт тыкали пальцем и призывали окружающих насладиться зрелищем. На закуску был переезд в поезде. Мне доводилось ездить в советских и российских поездах, но ничего более чудовищного, чем итальянский, я не видела. Я три часаостояла в узком проходе купейного вагона со своим рюкзаком, и масса людей буквально сидели у меня на голове, свисали отовсюду и постоянно пробирались мимо, ощущая себя при этом вполне комфортно. У меня на голове шевелились волосы.

Флоренция. Облезила вдоль и поперек, ела чудный овощной суп и пиццу с артишоками.

Венеция... Венеция – не знаю даже, что сказать. Солнце, вода, небо. Огромные. Больше, чем где-либо еще. Маленькие домашние дворцы. Я там плакала от умиления.

Поселилась в очередной раз в беленьком монастыре, в приюте для девушек-студенток. Познакомилась с серьезной аргентинской, которая путешествовала с таким же огромным рюкзаком, как и у меня, но при этом почему-то в элегантном длинном пальто. Ела на завтрак орехи и сухофрукты с кашью из автомата. Затем отправлялась гулять. Посещала соборы. Заходя с яркого солнца, привыкала понемногу к темноте, чтобы потом рассмотреть фрески. Было жаль денег, чтобы бросать их в бессовестные машины, которые стоят повсюду в Италии и освещают нужный кусок стены в течение минуты.

Положила глаз на самый красивый собор, любуясь им сначала издалека. Он стоял, большой и белый, на дальнем островке, и пока я плыла туда на пароме, глядя на блестящую желто-бирюзовую воду, под прохладным, кричащим чайками бризом, я успела и поплакать, и успокоиться. Два месяца тому назад в Москве убили моего жениха, и приступы горя, зияющие и мокрые, застигали меня вперемежку с большеротым туристским счастьем. Вспоминала, как перед похоронами я, младший брат жениха и наш общий друг бодрствовали всю ночь, чтобы вдруг не пропасть, и при свечах играли, полубезумные, в карты на раздевание. Ощущали легкий привкус недобывающего в своем времяпрепровождении и укоризненные взгляды еще не покинувшей мой дом, не отлетевшей души.

Сойдя на гладкие камни мостовой, я постояла у белого, вертикального и громадного, запрокидывая голову, борясь с яркими лучами, отыскивая в высоте очертания купола. Зашла внутрь, в гулкое пространство, ощущаемое каждым волоском на теле. Медленно двинулась вдоль стен. Было довольно светло, и нужды в дополнительном освещении не возникало, хотя аппараты стояли. Утро только начиналось и уже пело у меня внутри. Сзади подкрался милый старенький падре и прокомментировал красоту фрески. Слабо понимая

итальянский, я не нашла ничего лучше, как лучезарно улыбнуться в ответ.

Отошла к следующему шедевру. Падре проследовал за мной и засунул монетку в автомат, чтобы свет зажегся для большего моего удобства. Так мы обошли весь собор, и он все время кидал монетки. Это было уже до крайности мило, и, чтобы не испортить прекрасные мгновения каким-нибудь неподобающим жестом при расставании, я, улучив момент, сбежала в дальнее крыло и приткнулась там на скамейке, перед очередной фреской. Только предалась созерцанию, как падре возник снова, и снова же засунул монетку. Затем поместился рядом со мной и взял меня за руку.

Там мы и сидели. Я щурилась от возвышенных мыслей, тихо вздыхала. Между тем, заметила сбоку какую-то активность. Скосила глаза... Боже. Спутать это нельзя было ни с чем. Засунув вторую руку под рясу, падре занимался мастурбацией. На лице он имел проникновенное, возвышенное выражение. Я медленно отползла на попе, вскочила и бросилась куда глаза глядят.

А потом начался карнавал. На площади Сан-Марко совершили променад маски; между ними суетились туристы и глазели. Я производила свою долю глазенния. Много было традиционных гнущих зловещих носов, много арлекинов, много однотипных костюмов, но встречались и особенные. Одна группа масок особенно меня поразила, и я приклеилась к ним, рассматривая вблизи. Троє молодых людей и девушка нарядились придворными – ориентировочно эпохи Людовика XIV. Костюмы, очевидно, стоили невыносимо дорого и составляли очень стильный комплект. Платье и камзолы из бордового бархата, а к ним – множество аксессуаров в том же тоне. Манжеты, чулки и парики были белоснежными. Напудренные и накрашенные, придворные имели на лице кокетливые мушки, картинно взглядывали в лорнет и двигались изящно. Вокруг них собралась особо плотная толпа, все щелкали фотокамерами. Маски переговаривались. Я подлезла и услышала:

- Вань, не загораживай меня...
- Да че ты... ниче я не загораживаю...
- Сень, у меня родинка не отвалилась, глянь...
- Я не могу, я позирую...
- Саш, ты посмотри... чево он на меня внимания не обращает...
- Ребят, кончай базар, нас снимают...
- Попроси еще у меня чево-нибудь...

Придворные отошли, а я так и стояла с открытым ртом. Самые шикарные маски на карнавале в Венеции – наши русские братки. Только у них, видимо, хватило денег на подобные костюмы. Но ведь вопрос в том, что хватило вкуса. И отчего про них рассказывают всякие гадости?

Пиза. Вокзал; бегом в автобус; главная достопримечательность. Обошла падающую башню. Пизанская башня и в Африке Пизанская башня. Сто раз видела на картинке. Зачем сюда ехала? Только для того, чтобы сказать, что видела своими глазами? Что интересно, до момента написания этих строк я ни разу не вспомнила, что видела ее, и потому у меня не было шанса кому-нибудь похвастаться.

Вот я стояла и таращилась на нее; смотреть было

абсолютно не на что, а внутрь, естественно, не пускали. Народ вокруг фотографировался: каждый неизменно подставлял руки таким образом, будто подпирал башню, удерживал от падения. Чи-и-из! Я чувствовала себя примерно так:

— Какой свет, какие линии! Потрясающе!

Это какая-нибудь пожилая пара на выставке у посредственной картины. Наполняют значительностью и прочими несуществующими качествами не только эту работу, но и собственную жизнь. Вроде, мы не зря сюда пришли, мы тоже кое-что знаем, можем оценить.

Ровно двух минут хватило, чтобы посмотреть башню. Может, нужно было продолжить сценарий старой пары, лениво поесть в кафе на солнечной веранде? Провести здесь какое-то время, чтобы прикоснуться к истории, ощутить нечто проникновенное, что не может посетить вот просто так, за две минуты? Или же приезжать следует только в те места, которые заведомо для тебя что-то значат? Я вспомнила, что через пятнадцать минут отходит поезд, и если успеть на него, к вечеру можно быть уже в другом городе, где что-то могло оказаться. Бросилась к дороге.

Такси, видимо, в этих краях не существовало — я, во всяком случае, ни одного не увидела. Желая покинуть этот город и этот непродуктивный день, в погоне за смыслом и значением, голосовала и жестикулировала. Перспектива подвезти меня никому не казалась привлекательной. Отчаяние, наверное, видно издалека, и его сторонятся.

Наконец, остановилась развалюха, битком набитая местными подростками мужского пола. Я полезла внутрь, сознавая, что шанс попасть на станцию невелик. Самая католическая страна в мире. Найти женщину, готовую сделать это до брака, не так-то просто. Они занимаются этим друг с другом, вполне в порядке вещей. Не считается гомосексуализмом. Еще с животными и с мягкими овощами. Ехала и дрожала. Они пожирали меня глазами и пускали слюни. Но через пять минут я оказалась на перроне.

А ночью — в Неаполе. Выскочила на заплеванную станцию и побежала в туалет скрываться от странных попутчиков, парня и девушки, привязавшихся ко мне в поезде и намеревавшихся продолжить знакомство. Наблюдала, высовываясь, как они искали меня, перегибаясь. Я пересидела их терпение, чуть не задохнувшись. Покинула станцию. И оказалась на огромной площади, которая в два часа ночи кишила народом. Люди шуршали, как тараканы, и переговаривались вполголоса. Когда глаза привыкли к темноте, я обнаружила, что все эти люди были молодыми мужчинами в кожаных куртках. Они тоже меня обнаружили и смотрели пристально, найдя меня чем-то интересней своих предыдущих занятий. Чем они занимались, мне было неизвестно, поэтому я, сжимая в руке путеводитель, ретировалась в боковую улицу. Через пять минут отыскала дешевую гостиницу, заранее отмеченную в путеводителе, и с облегчением потянула на себя дверь.

Войдя, я застала следующую сцену: прямо перед дверью стоял стол, а за ним играли в карты шестеро точно таких же молодых людей в кожаных

куртках. Все до боли красивые, с трехдневной небритостью и горящими глазами. И все взорились на меня так, будто у меня, по меньшей мере, был кочан капусты вместо головы. Теша себя иллюзией, что я не теряюсь перед лицом непредвиденных обстоятельств, начала мялить что-то по поводу ночлега. Самый представительный из молодых людей встал и протянул мне ключ в обмен на паспорт. Я потопала в номер.

Раскрыла дверь и обмерла. В номере едва помещалась узенькая кровать. Никаких других удобств в нем не было. Мой рюкзак, размером чуть больше меня, видимо, следовало положить в кровать, а самой простоять всю ночь в углу. Я, однако, соображала туго, поэтому стала располагаться. Решив запереться изнутри, увидела, что для данной цели приспособлен был лишь один шпингалет, висевший на единственном ржавом гвоздике. Я собралась и спустилась вниз. Паспорт мне обменяли на ключ без единого вопроса. Всего лишь снова почувствовала, что у меня что-то не то вместо головы.

При моем вторичном появлении на площади добрая сотня человек резко перестала общаться. В полной тишине я поспешно проследовала в близлежащую четырехзвездочную гостиницу, кисло прикидывая, какой у меня лимит на кредитной карточке. Зато хоть буду спать спокойно.

Толстый хозяин гостиницы, будто специально поджидавший меня на пороге, в упоении брызгал слюной. Он таращил на довольно приличном английском, пока я заполняла документы, чему-то радуясь. Я уже не в состоянии была понять, почему именно. Приняв душ и завалившись в чистую просторную постель, я перестала жалеть каких-то вшивых ста долларов за ночь.

Позавтракав в гостинице, отправилась осматривать город. Первое, чему я поразилась, был тот факт, что мужчины в кожаных куртках никуда не делись с наступлением дня и все так же заполняли открытое пространство, переговариваясь вполголоса. Но мне это было уже неинтересно. Я смотрела во все глаза на неповторимый город, на грязные улочки, потертые домишкы, вездесущее белье на веревках, громогласно перекрикивавшихся домохозяек... Все то, что вы видели в итальянских фильмах 60-х годов и думали, что такого уже не бывает.

Между тем, я заметила какие-то странные вещи, происходящие вокруг. За мной собирались небольшая толпа из мужского населения города. Они следили в некотором отдалении и совершенно не делали секрета из того, что идут именно за мной. Встречающиеся мне по пути мальчишки ростом в половину меня присвистывали и причмокивали мне в лицо, стонали и кричали:

— О, белла, белла!

Сначала это было любопытно и несколько листило моей было пошатнувшейся, в связи с недавним потолстением, уверенности в себе. Но через некоторое время нервы сдали, тем более, что поклонники снижали дистанцию и стали кричать увереннее. Я спаслась в Национальном музее. Успокоилась и испытала негу от прикосновения к прекрасному. Постаралась не думать о проблемах, существующих у мужского населения этого города. Между тем, в зале скульптуры раздалось какое-то посвистывание шепотом, привлекшее

мое внимание. Я обернулась. За статуей Аполлона стоял, опять-таки, красивый молодой мужчина с небритостью. Он спустил штаны и продемонстрировал мне огромный эректированный член. Я бросилась бежать.

До гостиницы добралась на такси. Хозяин препрятствовал мне путь, хватая за руку и истекая улыбками. Я юркнула в номер и заперлась.

Через полчаса раздался стук в дверь. Приоткрыв щелку, я увидела принарядившегося жирного хозяина с бутылкой шампанского и цветком. Захлопнув дверь и повернув замок на все обороты, забралась под одеяло.

Раздался телефонный звонок. Взявшую трубку, я услышала о невинных намерениях хозяина, не оставлявшего надежду нанести мне дружественный визит. После пяти подобных звонков я вытащила телефон из розетки. В следующие три часа хозяин регулярно долбил в дверь, отчаянно крича. Но чью я почти не спала. Решила, что больше в этот город никогда не приеду.

Рано утром я по-шпионски, незаметно, стелясь по
стеночкам, выскочила на улицу и нырнула в так-
си. В связи с экстремальными обстоятельствами
я забыла о бюджете и старалась о нем не думать
во избежание депрессии. Настроение все равно
было тухлым. Оставила багаж на станции и по-
ехала к Везувию.

Забралась на самый верх, заглянула в серый кратер. Взяла себе на память кусочки лавы. Или пепла. Не знаю, чего уж там.

Пообедала морепродуктами и шпинатным супом и взбодрилась. Всего-то делов – нормально покушать! К тому моменту, как добралась до развалин Помпей, я уже вспоминала о вчерашнем дне с удовольствием и, периодически сгибаясь пополам от хохота, репетировала, как буду рассказывать обо всем друзьям.

Потом осматривала Помпеи. Отчего-то не увидела ни фресок, ни предметов быта, которыми хвастал рекламный буклэт. Ходила и скучала. Вскоре, однако, ко мне присоединился толстый лоснящийся мужичок с масляными глазками, в белом халате с жирными пятнами. В руках у него была связка ключей. Он объяснил, что Помпеи распределяют по частям, и хозяева будут показывать свои куски за деньги. Я вздохнула. Мужичок сказал, что мне крупно повезло, и он покажет дома, которые недавно приобрел, без всяких билетов. Начал повествовать о Помпеях, как заправский гид, и открывать железные решетки. Мне действительно повезло, и я увидела не только фрески, но и мумифицировавшегося в пепле человека с ужасным выражением лица. Мужичок, между тем, без всякой сюжетной паузы, благодушно прижал меня носом к ценней мозаике и стал шарить по моей голове. Я, ничему уже не удивляясь, соотнесла свои размеры с его и не нашла ничего лучше, чем заговорить о сокровище, которого еще не видела, — статуе с непропорционально развитым предметом мужского достоинства. Мужичок довольно захихикал: мне опять повезло. Повел в какую-то каморку, схватив за руку. Этот предмет был отполирован до блеска: его следовало потрогать, приносил удачу. Мой гид, радостно щурясь, призывал к действию. Я протянула руку к статуе, и тут в помещение

вбежала группа японок, обнаруживших открытую калитку. Увидев отполированную часть, они стали хихикать так, будто намеревались отхихикать себе все мозги. Я попятилась к двери и была такова, кляня про себя всех самцов юга Европы.

И вот последняя остановка – Рим. Рим – это Рим, сами понимаете. Я пошла в турагентство и купила билет домой на через неделю. Недели мне должно было хватить, чтобы осмотреть все. Сердце буквально замирало, когда представляла, что предстоит увидеть. Ватикан... Соборы... Площади... Фонтаны...

С утра – завтрак в гостинице. Большая булка, совершенно пустая внутри, и масло с джемом. Негусто. Только разжигает аппетит. Впрочем, надо худеть – как всегда. Встала, готовая к свершениям. Подошла, жмурясь на солнце, к ближайшему собору, зашла внутрь. И вдруг поняла, что больше не могу смотреть. Тошнит. Наступила физическая непереносимость красот. Вышла, еле волоча ноги. Еще попытка. Еще и еще. Результат тот же. Я осмотрела столько за последние несколько месяцев, что мозг отказывался принимать информацию. Поплелась в Ватикан, понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет. Потухшим взглядом окинула Сикстинскую капеллу, только что отреставрированную японцами, и вышла. Уходя, замечала несметные культурные богатства в залах. Почти плакала.

Дату отлета изменить уже было нельзя. Ума не могла приложить, что же делать целую неделю. По пути из Ватикана зашла в магазин и купила пару юбок и пару свитеров.

Потом была неделя в гостиничном номере. Я целями днями читала, выходя только за едой. Ела, в основном, голубой сыр и виноград. Ожидала воскресенья перед отлетом и огромного воскресного блошиного рынка. Ожидание хотя бы придавало какой-то смысл. Чему-то.

Вот и воскресенье. Несколько часов я бродила среди рухляди, выискивая, чем бы себя вознаградить. И доказать, что не зря я торчала здесь, сходя с ума от скуки. В результате приобрела на сто долларов несколько старинных открыток, абсолютно ненужных. Запас психического здоровья истощался. Еле дожила до самолета.

Вот так я путешествовала в томлении смутного чувства, побуждавшего меня двигаться без всякого желания. Страдая от отсутствия смысла и спонтанности. Или же я просто потеряла способность различать грань между желанием и необходимостью, между смыслом и бессмысленностью? Так я путешествую и по жизни. Я действую не потому, что хочется, а потому что надо. Почему надо? Только потому, что я так решила. А почему решила? Потому что надо. Примерно так.

Но, должно быть, это мне подходит. Есть везунчики, которые видят черное и белое, четкое и ясное. Я не из таких, ну и что? Не нужно чувствовать себя виноватой. Потому что в воспоминаниях все равно остается лучшее. Солнце, которое блестит на поверхности воды и освещает белые стены дворцов. Которое греет пыль на печальной желтой дороге. Которое сушит белье на веревках и портит со временем кожаные куртки.